

Советуем ПОЧИТАТЬ

КРУГ ЛЕТА ГОСПОДНЯ

Антология русской поэзии для семейного чтения

Собрание поэтических текстов от Симеона Полоцкого до Иосифа Бродского (94 автора и более 700 стихотворений) – небывалое доньше по объему и охвату – представляет образ русской поэзии как поэзии православного народа. Антология состоит из четырех томов («Осень», «Зима», «Весна», «Лето»), каждый из которых поделен на два раздела – «Времена года» (стихи о природе) и «Православные праздники» (стихи, посвященные датам церковного календаря, с историческими комментариями автора-составителя антологии Ольги Нерсесовой). Издание поражает не только изобилием и глубиной поэтического содержания, но и художественным оформлением. Раздел «Времена года» иллюстрируют десятки картин лучших русских художников, а сотни увеличенных фрагментов этих картин, тщательно подобранных по сюжету и атмосфере, служат фоном для поэтических текстов. В оформлении раздела «Православные праздники» использованы специально отреставрированные миниатюры из Хлудовской и Киевской псалтырей (IX и XIV вв.), а также редкие иконы из Музея им. Андрея Рублева. На полторы тысячи страниц антологии нет ни одного сантиметра белой бумаги, иллюстрации становятся фактурой книги, сливаясь с текстом стихотворений. «Осенняя усадьба» Левитана превращается в Переделкино Пастернака, «Зимний пейзаж» Саврасова откликается на каждую строку Афанасия Фета, а деревцо с красными плодами у пещерки Иоанна на Патмосе с легкостью оказывается красной рябиной цветаевских стихов о Москве...

Приложение к четырехтомному изданию – методическое пособие по основам красноречия – «Поэзия есть по природе своей звучащее слово». Изложение основных законов речевой культуры и верного произношения сопровождаются в приложении не только методикой устранения речевых недостатков, но и уникальной подборкой упражнений – русскими пословицами и поговорками, почерпнутыми из свято-отеческой литературы и сокровищниц народной мудрости, глубинно связанной с мудростью евангельской.

ПОДРОБНЕЕ

<http://antologia.xxc.ru>

Мария Левина

с ним придумывать, следить за тем, как я выгляжу и что говорю при нем (он же все равно мой и меня любит). Но когда он начал дольше задерживаться на работе, меньше обращать на меня внимание, я испугалась: а вдруг у него кто-то есть? И откуда силы взялись! Так и с Богом. Если нет страха, то настоящей деятельной любви не получается.

Батюшка слушал нас, надо сказать, с интересом. Молчал и кивал. Потом сказал:

– Ну, страх страху, конечно, рознь. Есть и такой, которого не должно быть. Некоторых людей страх перед Богом заставляет держаться от Него подальше. Хотя и бывают моменты, когда вроде бы душа готова открыться Богу, но... Человек говорит: «Я совершил одну фатальную ошибку, значит, я стал врагом Бога. Мне не на что надеяться. Просто буду жить, как живется». Он воспринимает Бога не как Отца, а как немилосердное чудовище. И боится его сатанинским страхом, смешанным с ненавистью. И даже не догадывается, что Бог по-прежнему готов его принять! – батюшка так радостно объявил нам об этом, и я подумал, что по-настоящему об этом действительно не догадывался. Пока я раздумывал, он продолжал:

– Но есть и другой – обоснованный, необходимый, достойный страх, который должен быть у каждого творения перед своим Творцом, у каждого ребенка перед родителями. Это такой страх... из которого рождается мудрость. Сынний страх перед Богом заставляет нас бояться греха и вынуждает подчиняться заповедям Божиим. А трепет перед святым, справедливым да еще и любящим Родителем – это не рабство, а честь. Ангелы ведь любят Бога совершенной любовью? Да. И все же, приближаясь к Нему, они со святым страхом закрывают свои лица. Знаете, такой страх стоит в себе взрастить.

Попрощавшись с батюшкой, мы пошли к реке. Там, на байдарках, на полуденном солнце ждали нас наши ребята. Было даже страшно представить, что они, прождав нас полтора часа, сейчас скажут. Обошлось. Они дрыхли, накрывшись тентом. Мы столкнули байдарки в воду, взялись за весла. И тут Машка сказала:

– Ой, а мы ведь даже не спросили, как священника-то зовут.

– Спрашивали. Кажется, отец Гавриил.

– Да нет, отец Михаил!

– Кстати, – прорезался Макс, и в возгласе его послышались до боли знакомые нотки. – А почему это он отец Михаил... или Гавриил? Какой же он нам отец? Он же практически наш ровесник!

– Да, Макс, ты не понимаешь... – привычно откликнулся Вася...

Вот так мы все время и путешествовали. ■